

Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии

DOI 10.22394/1726-1139-2017-10-118-127

Тюрин Евгений Анатольевич

Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС (Орел)
 Доцент кафедры политологии и государственной политики
 Кандидат политических наук, доцент
 Turin.of.Foveran@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются телеологические аспекты национально-государственного развития современной Шотландии. Автор высказывает мысль о том, что телеология шотландского политического курса выступает своего рода антидотом британской исключительности. Так как отношения между государством и обществом всегда были непростыми, где бы то ни было, в истории всегда существовали различные формы государственности. Поэтому, утверждает автор, применительно к реалиям британской государственности, как юнионистская, так и националистическая телеологии вводят исследователя в заблуждение, так же как объяснения внутренних и внешних детерминант возможного распада Великобритании. Делается вывод о том, что телеология политического курса Шотландии побуждает исследователя анализировать Союз с компаративных позиций. Автор считает, что нужен более точный и комплексный анализ, позволяющий отследить интеграционные и дезинтеграционные тенденции, а также возрождение национальных идентичностей с течением времени. По мнению автора, такой анализ позволит рассмотреть Союз на четырех взаимосвязанных уровнях: функциональные изменения, массовое восприятие, стратегии элит и роль социально-политических институтов. Ни один из этих уровней не является определяющим, но все они взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга. Таким образом, место и роль Шотландии в эволюции Союза должны быть изучены в историческом контексте с привлечением шотландского государственно-национального опыта во всех его интерпретациях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Шотландия, англо-шотландский союз (Союз), государство, нация, идентичность, юнионизм, национализм, суверенитет, государственное устройство

Turin E. A.

State and Nation: Teleological Aspects of the Political Course of Scotland

Turin Evgenyj Anatolyevich

Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation)
 associate professor of the department of political science and public policy
 the candidate of political sciences, the associate professor
 Turin.of.Foveran@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the teleological aspects of the national-state development of modern Scotland. The author expresses the idea that the teleology of the Scottish political course is a kind of antidote to British exclusiveness. Since the relationship between the state and society has always been difficult everywhere, there have always been various forms of statehood in history. Therefore, the author argues, as applied to the realities of British statehood, both unionist and nationalist teleologies mislead the researcher, as well as explanations of the internal and external determinants of the possible disintegration of Britain. It is concluded that the teleology of the political course of Scotland encourages the researcher to analyze the Union from comparative positions. The author believes that a more accurate and comprehensive analysis is needed to track integration and disintegration trends, as well as the revival of national identities over time. In the author's opinion, such an analysis will allow the Union to be examined at four interrelated levels: functional changes, mass perception, elite strategies

and the role of socio-political institutions. None of these levels is decisive, but they all interact and mutually affect each other. Thus, the place and role of Scotland in the evolution of the Union should be studied in a historical context with the involvement of the Scottish state-national experience in all its interpretations.

KEYWORDS

Scotland, Anglo-Scottish union (Union), state, nation, identity, unionism, nationalism, sovereignty, polity

Рассматривая телеологические аспекты национально-государственного развития современной Шотландии, исследователь неизбежно увидит, что телеология шотландского политического курса выступает своего рода антидотом британской исключительности. И, тем не менее, большинство авторов, анализирующих проблемы государства и нации применительно к англо-шотландскому союзу (далее — Союз), демонстрируют пренебрежение компаративным подходом в своих объяснениях, касающихся упадка Союза, кризиса юнионизма и особенностей шотландского национализма [1]. Все эти объяснения неудовлетворительны и спонтанны. Они не учитывают не временные рамки, если, к примеру, мы обратимся к историческим исследованиям, не пространственные реалии, если мы будем анализировать Британию, используя компаративный контекст. В действительности же они пронизаны некой исключительностью, которая довольно часто характеризовала британскую историю (данный вопрос требует отдельного рассмотрения). Они также стремятся объяснить сложный процесс политической перестройки и изменения моделей идентичности факторами, взятыми на чрезвычайно общем уровне, которые оказывают воздействие на всю нацию недифференцированным образом. При этом шотландское общество достаточно сложное и разнородное (как и многие другие общества), поэтому изменения в окружающем мире могут вызвать различного рода трансформационные изменения в его структуре. И тем не менее многие работы по изучению Союза были упрощены. Интеграционные теории показали разницу территориальных идентичностей, а также функциональные различия, взявшие верх над национальным единством и равенством. Более современные исследования тяготеют к другой форме редукционизма, в предположении, что подрыв интегративного воздействия заставит Шотландию вернуться к более старой территориальной идентичности [2]. Между тем нужен более точный и комплексный анализ, позволяющий отследить интеграционные и не интеграционные тенденции, а также возрождение национальных идентичностей с течением времени. Такого рода анализ позволит рассмотреть Союз на четырех взаимосвязанных уровнях: функциональные изменения, массовое восприятие, стратегии элит и социально-политические институты. Ни один из этих уровней не является определяющим, но все они взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга, поэтому место и роль Шотландии в эволюции Союза должны быть изучены в историческом контексте с привлечением шотландского государственно-национального опыта во всех его интерпретациях.

Итак, функциональный анализ Союза фокусируется на глубинных процессах в экономике и социальных структурах, которые формируют, или даже определяют политическую надстройку. Модернистская социология Дюркгейма [8] долгое время утверждала, что территориальные различия исчезнут в ходе модернизации, уступая место дифференциации социальных ролей, связанной с современным разделением труда. Подобное мышление повлияло на теории европейской интеграции — функционализма и неофункционализма. Последние работы в политической географии и территориальной политике, однако, оспаривают мнение, что территория и функциональность являются конкурирующими принципами социальной, экономической или политической организации [12; 21]. Скорее всего различные функциональные системы адаптируются к территориальным особенностям на государственном, под-

государственном и надгосударственном уровнях. Процесс пространственных изменений затрагивает отношения между территорией и деятельностью (функциональностью) в целом ряде областей. Впрочем, например, экономика — это не пространственная система, имеющая повсюду одни и те же последствия, как это утверждает неоклассическая трактовка, а социальная система, которая адаптируется к различным обстоятельствам в определенной локации. После эры глобализации XIX — начала XX вв. экономики разных стран взяли курс на национальный протекционизм. В последние годы эти экономики глобализируются и одновременно локализируются, имея важное влияние на национальное государство, как основы политики. Социальная солидарность, ранее связанная с национальным государством, в настоящее время пересматривается на новых уровнях. Культура и идентичность проходят одновременно детерриториализацию и ретерриториализацию с учетом новых пространственных горизонтов.

Говоря о массовом восприятии, отметим, что оно не является однородным, так как структурировано социальными и идеологическими факторами, которые могут совпадать или отрицать друг друга; они включают классовую, секторную, гендерную, локальную и национальную идентичность. В свою очередь, социальное разделение не тождественно политическим разногласиям, но оно становится таковым (структурируя политическую конкуренцию) из-за деятельности партий в области агрегирования интересов и построения таких идеологий, которые могут интегрировать их в единое целое [5]. Таким образом, политические союзы являются продуктом функциональных или классовых конфликтов в конкретных местах, итоги которых рассматриваются непосредственно в тех контекстах, где они происходят. Национализм необходимо поместить в эти рамки. Он не может быть оторван от отношений и интересов в социальных и экономических вопросах, или же просто сводиться к этим интересам. Различные слои населения по-разному воспринимают националистические призывы, касающиеся эмоциональных, экономических, культурных или иных интересов при определенных обстоятельствах. Национальная идентичность чрезвычайно многогранна. Ее значение также изменяется в зависимости от времени и места, имея при этом разные культурные, политические и экономические последствия. В большей части Европы в конце XIX — начале XX столетий возникающий тогда рабочий класс сформировался благодаря конкуренции классовой, территориальной или национальной политики. В некоторых случаях классовая политика торжествовала, в других национальные проблемы затмевали все остальные. В стране басков и Каталонии, оба принципа процветали, оставляя особое наследие современной политике. Британские острова также представляют достаточно сложный пример взаимосвязи классовой и национальной политики в контексте, в котором было два возможных уровня национального строительства из государства и составляющего его народа. И если Ирландия уверенно стала на путь национального строительства, то Шотландия продемонстрировала более очевидную неоднозначность.

И функциональные изменения, и массовое восприятие реагируют на стратегическое и тактическое поведение элит. В 1980-е годы (на фоне возрождения территориальной политики) некоторые ученые обратили внимание на сохранение территориальных масштабов даже в наиболее унитарных государствах, а также на важность государственной стратегии или территориального управления в объяснении того, как государства возникают и совместно существуют [24; 25; 6; 12]. Территориальные стратегии управления включают в себя: партийно-политическое объединение; центрально-периферийное посредничество через политические и бюрократические каналы; институциональную децентрализацию [3]. Со своей стороны, субъекты на периферии могут осуществлять территориальную автономию или предпочитают искать привилегированный доступ к центру. Системы территориального управления будут включать

оба варианта в различной степени. Изменение внутренних и внешних условий повлечет за собой изменение стратегических интересов и расчетов как центральных, так и периферийных субъектов. Например, выборочное создание и закрытие многих национальных рынков в конце XIX в. превратили центры в периферию и наоборот, что случилось после открытия европейских и мировых рынков сто лет спустя. Таким образом, ключевым вопросом в территориальной политике в первую эпоху глобализации является тарифная политика, создающая новые группы территориальных и отраслевых интересов. Проникновение государства на территории, по мере роста его влияния, ставит под угрозу старую систему посредничества, создавая кризис территориального представительства и реконфигурацию территориальной политики. Такие кризисы происходили в конце XIX в., в 1960-х и начале 1970-х годов не только в Соединенном Королевстве, но и во всей Западной Европе [12]. В последнем случае одной из причин стала новая фаза территориального управления, представленная модернизированной региональной политикой, предназначенной для интеграции слаборазвитых территорий в национальную экономику в рамках общей кейнсианской стратегии макроэкономического управления. Она была представлена как технически выгодная стратегия, максимизирующая национальный доход государства, при этом нарушающая существующие модели территориального посредничества. Это вызвало различные реакции в регионах и новую волну территориальной мобилизации, принимающей различные формы, начиная от защиты старых способов производства и заканчивая альтернативной политикой развития. В последние годы европейская интеграция аналогичным образом дестабилизировала режимы территориального управления, лишая государства ключевых инструментов размещения и создания новых альянсов победителей и проигравших. Территориальное отличие, таким образом, это не то, что можно игнорировать, напротив, оно создает и воссоздает себя в каждом последующем поколении.

Это подводит нас к необходимости рассмотрения роли социально-политических институтов в формировании территориальной политики. Унитарное государство в своей абсолютной форме обеспечивает единую арену для политики, выдвигая требования центру. Государства национального строительства, такие как Франция, всегда стремились использовать институты гражданского общества, совмещая их с государственным администрированием, чтобы не просто построить управленческую систему унитарного государства, а создать единое чувство идентичности. Но и в этом случае практические реалии требовали соответствующих средств адаптации к территориальному многообразию. Британское государство было более уступчивым, и выживание таких институтов, как церковь, право, образование и система местного самоуправления, произошло благодаря устойчивой Шотландской национальной идентичности, с отсутствием сильных языковых или культурных маркеров, которые поддерживают банальный национализм повседневной жизни и ставят экономические и социальные вопросы в рамки шотландской повестки. Таким образом, социально-политические институты были, в разное время, ассимиляционными и дифференцирующими, но не всегда давали желаемый эффект. Таким образом, во многих частях Западной Европы, в том числе Соединенном Королевстве, были сформированы механизмы региональной политики и планирования для включения периферийных территорий в национальное экономическое и социальное пространство, чтобы подчеркнуть территориальные аспекты политики и стимулировать граждан, а также артикулировать их требования в определенных территориальных рамках [12].

Взаимодействие между функциональными изменениями, массовым восприятием и стратегиями элит в рамках институциональных параметров следует понимать как исторический процесс, происходящий в течение долгого времени. История играет здесь важную роль, так как решения, принимаемые в одно время, служат для из-

менения институциональных параметров принятия решений в каждом последующем периоде [15; 22]. Однако мы должны с настороженностью относиться к националистическим телеологиям, которые, показывая направление исторической эволюции, определяют ее конечную цель в национальном государстве. Это могут быть британские юнионисты или шотландские националисты, непоколебимая точка зрения которых представлена Нэрном [18; 19; 20]. Последний считает, что Шотландия, упустив свой шанс построить государственность в XIX в., снова попытается это сделать. В последние годы исследователи подчеркивают различия форм государственного устройства, которые имели место в отдельно взятых временных отрезках и регионах с единственным возможным вариантом существования — национальным государством.

В контексте рассматриваемого вопроса стоит отметить, что в большинстве стран Европы существует тенденция осуществлять анализ государства и нации не в контексте общего, а с позиций единичного (т. е. с помощью своих же реалий, а не как части единого целого). В сочетании с акцентом на идеальных типах «нормального» национального государства, это приводит к повторяющейся тенденции, в соответствии с которой собственная страна представляется «аутсайдером», не соответствующим «нормальным» правилам национального развития. Соединенное Королевство, так же как и другие страны, не застраховано от этой тенденции, хотя исследователи-историки за последние годы добились прогресса, связывая историю Британских островов [23; 11; 7] с общеевропейским контекстом [26]. Ни одна страна не может быть идеальной в своем развитии, так как она является некой обобщенностью в ряду конкретных примеров, но этот факт не заставляет нас придерживаться теории исключительности. Мы все также можем использовать теории социальных наук при рассмотрении определенных факторов, признавая при этом историческую специфику этих факторов. Соединенное Королевство отличается от, например, Франции, но его исторический опыт может иметь общие черты с Испанией.

История важна в другом смысле, которым слишком часто пренебрегают политики: это средство объяснения настоящего и площадка для политической борьбы за влияние в мире сегодняшнем. Историки знают, что на формирование их взглядов влияют как исторические аргументы, так и современные проблемы. История часто напоминает чулан, полный предметов, которые можно достать, реконструировать и использовать вновь для насущных целей. В этом контексте и Шотландия не является исключением. Хотя при этом наметились тенденции со стороны некоторых наблюдателей высказывать мысли о том, что, поскольку Союз ослабевает, он, возможно, никогда фактически и не существовал. Возникли бесконечные споры о старом шотландском государстве, олицетворявшем национальный суверенитет, а также об исторически обусловленном, европейском геополитическом курсе Шотландии. По существу, эволюция Союза, длящаяся более трехсот лет, оказалась под влиянием меняющихся представлений о его первостепенном значении. Всякого рода неясности (например, по вопросу о суверенитете) только обострили юридические и конституционные дебаты.

Вплоть до середины XX в. не проводилось никаких опросов населения, поэтому не существует доступной информации о взглядах людей того периода; да и в любом случае, массовое восприятие (самовосприятие) государства и нации не играло в ушедшие эпохи той же роли, что и в современной политике наших дней. Концепции государственности и политического строя в XVIII в. были не такими, какими они явлены нам в XX в., и в нынешнем столетии они снова меняются. Поэтому, когда исследователь анализирует шотландскую государственность и идентичность периода, например, средних веков, с его стороны будет ошибочным связывать полученные результаты с современным шотландским национализмом.

Шотландская идентичность формировалась вновь и вновь под влиянием социально-политических изменений в разные исторические эпохи. То, что мы видим сейчас, это новый национальный шотландский курс, отличный от старого курса в рамках Союза и, естественно, находящийся в некотором противоречии с попытками Вестминстера искусственно поддерживать единую британскую государственно-национальную идентичность. Безусловно, в наше время это происходит в условиях, далеких от классического национального и государственного строительства эпохи королевы Виктории.

Пока остается лишь констатировать, что современные обществоведческие науки придерживаются модели национального государства, от которой ей довольно сложно отойти [13; 14]. Эта модель представляет государство как ряд определенных ограничений, внутри которых существуют пространственно-ограниченная экономика, общество (объединенное идентичностью и культурой), совокупность органов управления, а также, в более поздние времена, система социальной защиты. Государство рассматривается как исторически сложившаяся реальность, продукт силовой политики, функциональной интеграции и международных норм власти. Оно также представлено в политической теории как нормативно желаемая форма правления. Одна общая идентичность обеспечивает унифицированные примеры, которые лежат в основе демократии [16] и поддерживают социальную солидарность [17]. Границы и структура государства тормозят главные социальные и экономические субъекты, что предотвращает различного рода попустительства и нарушения, но также препятствует стимулированию социального диалога. Тем не менее этот термин используется в двух весьма различных смыслах: один отсылает к внешним границам и политической досягаемости, а другой — к внутреннему устройству. В обществоведческом понимании он означает суверенное государство, которое, (как ошибочно предполагают), образовалось благодаря Вестфальскому миру 1648 г. и является одним из важных компонентов системы международных отношений. В другом понимании термин также предполагает «соприкосновение» государства и нации в пространстве. Мы могли бы объединить эти два значения, чтобы создать веберовский идеальный тип государства, в котором границы суверенитета и идентичности полностью совпадают. При этом модель такого рода не должна быть ошибочно принята за описание реальных событий.

Впрочем, все это противоречит тому факту, что некоторые государства состоят более чем из одной группы и их члены считают себя нацией. Многонациональные государства подобные России в настоящее время достаточно хорошо изучены, им присущи определенные проблемы, а также необходимы федерализм, разделение властей и признание культурных различий. Форма «якобинской» демократии, с признанием одного демоса, должна быть оставлена в пользу более сложного и плюралистического понимания демократии, гражданственности и солидарности. Случай Великобритании относится к группе стран, в которых одни и те же факты и понятия часто оспариваются и принимают разные значения в разных частях государства. В Соединенном Королевстве государство и нация всегда находились в напряженных отношениях и общее понимание отсутствует. Термин «нация» подразумевает народ и как единое целое, и как отдельные его группы, в то время как теория государства менее развита, чем в большинстве европейских стран. Неанглоязычные регионы имеют промежуточный уровень политической идентификации между гражданином и государством, в то время как в Англии государство во многом отождествляется с его крупнейшей составляющей. В «периферийных» странах эти множественные идентичности ощущаются по-разному разными частями населения. Эта неоднозначность, возможно, объясняет успех Союза в течение трех сотен лет, но она также выявляет его слабые стороны и предпосылки к трансформации. Асимметричный характер национальных мнений также объясняет, почему традици-

онные федеративные решения в Великобритании также сложны, как и унитарные государственные формы.

Государство и нация исторически и пространственно условны, они возникают в результате исторического процесса, но не определяются им. Некоторые теории государственного строительства являются результатом функционализма, а именно теория Карла Дойча [8] о социальной коммуникации в создании сообществ идентичности. По его версии, именно эти сообщества создают правительства, а не наоборот. Чарльз Тилли [28], напротив, подчеркивал роль силы в создании европейских государств, потенциал которых использовался впоследствии для создания разнообразных форм администрирования и государственных услуг. Позже, однако, он утверждал, что принуждение — это только один элемент, так как экономические факторы также играют большую роль в формировании различных форм государственности [29]. Хендрик Спруит показал возможность существования различных форм власти, в том числе империй, крупных государств, малых государств и городов-государств в определенные исторические эпохи [27]. В свое время торговые города-государства были вполне конкурентоспособными, а также в состоянии мобилизовать экономические ресурсы для того, чтобы стать автономными. С изменением условий войны, снабжения военным имуществом, численным ростом армий, преимущество получили крупные континентальные государства и морские империи. В XXI в. старые идентичности, связанные с территорией, обществом, экономикой и политическими институтами, меняются, так как эти институты, по крайней мере, частично, территориально разделены, чтобы позволить создание более адекватных современности политических форм. В настоящее время существует различная литература по различным формам государственного устройства, когда-либо существовавшим в истории [10]. Европейская государственная система, таким образом, исторически непредсказуема и не предопределена, как и природа самого государства. Таким образом, в начале XXI в., если национальные государства ослабеют или трансформируются, нет особых оснований полагать, что они будут заменены другими объектами той же природы, в большей (европейской) или меньшей (например, шотландской) степени.

Нации также исторически условны. Формирование нации (а это не всегда одно и то же, что формирование государства) не является разовым событием. Отнюдь, это непрекращающийся процесс. Нации могут распадаться и воссоздаваться вновь. Конечно же, они не могут возникнуть вдруг, на пустом месте. Известные выражения Бенедикта Андерсона [4] о воображаемых сообществах не должны быть неверно истолкованы как «мнимые» общности; нация является категорией, имеющей свои корни в институтах, идентичностях и социальных практиках. Много исследований было посвящено вопросу о возрасте тех или иных народов, являются ли они современными или многовековыми, предшествуют ли они государству или были сформированы им. Слишком часто они становятся обобщением какого-то частного случая, или же результатом ошибочного восприятия идеального типа и исторической реальности.

Таким образом, существуют многочисленные способы формирования государственности и национальной принадлежности. В ходе XIX в., во время так называемого пробуждения народов, существовала растущая тенденция видеть конец национальной принадлежности из-за формирования независимого государства, но эта идея получила всеобщее признание только после Первой мировой войны. Националистические движения делились опытом и адаптировались к международной среде, разделяя идею государственности как высшей политической формы, а также лучшей гарантии безопасности. Они также должны были соответствовать категориям, признанным международной системой. Это был период, в котором появились современные общественные науки, ибо их язык, категории, нормативные постулаты, а также эмпирические основания формировались национальным государством. С конца XX в. эти категории

также менялись под влиянием глобальных преобразований, особенно в Европе. Это не только указывает на другое будущее. Это также вызывает переоценку прошлого, укрепляет оценку национального государства как исторической случайности и укрепляет признание определенного набора разнообразных институциональных форм, которые могут восприниматься разными странами в разные эпохи.

Впрочем, политическая жизнь существовала еще задолго до консолидированного национального государства, и она будет продолжаться дальше. Соединенное Королевство не является исключением из правила о государственности и национальной принадлежности. Оно выступает скорее конкретным примером сложностей этих понятий и их эволюционных изменений с течением времени.

Литература

1. Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Эволюция Шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма // *Власть*. 2017. № 6. С. 153–159.
2. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // *Власть*. 2015. № 4. С. 195–201.
3. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. № 2. С. 197–205.
4. Anderson B. *Imagined Communities: ReXections on the Origins and Spread of Nationalism*. London : Verso, 1983.
5. Bartolini S. *Restructuring Europe*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
6. Bulpitt J. *Territory and Power in the United Kingdom. An Interpretation*. Manchester : Manchester University Press, 1983.
7. Davies N. *The Isles. A History*. London : Macmillan, 1999.
8. Deutsch K. *Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundations of Nationality*. 2nd ed. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1966.
9. Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. New York : Free Press, 1964.
10. Ferguson Y. H., Mansbach R. W. *Polities: Authority, Identities, and Change*. Columbia : University of South Carolina Press, 1996.
11. Kearney H. *The British Isles. A History of Four Nations*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
12. Keating M. *State and Regional Nationalism. Territorial Politics and the European State*. London : Harvester-Wheatsheaf, 1988.
13. Keating M. *Culture and Social Sciences / M. Keating, D. della Porta (eds.). Approaches and Methodologies in the Social Sciences. A Pluralist Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
14. Keating M. Putting European Political Science Back Together. *European Political Science Review*. 1.2. 2009.
15. Mahoney J., Rueschemeyer D. *Comparative Historical Analysis: Achievements and Agendas / J. Mahoney, D. Rueschemeyer (eds.). Comparative Historical Research*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
16. Mill J. S. *On Liberty, Utilitarianism, and Considerations on Representative Government*. London : Dent, 1972.
17. Miller D. *On Nationality*. Oxford : Clarendon, 1995.
18. Nairn T. *The Break-up of Britain: Crisis and Neo-nationalism*. London : New Left Books, 1977.
19. Nairn T. *After Britain. New Labour and the Return of Scotland*. London : Granta, 2000.
20. Nairn T. Union on the Rocks. *New Left Review*. 43: 117–32. 2007.
21. Paasi A. Place and Region: Regional Worlds and Words. *Progress in Human Geography*. 26.6: 802–11. 2002.
22. Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions and Social Analysis*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2004.
23. Pocock J. G. A. British History: A Plea for a New Subject. *Journal of Modern History*. 47.4: 601–28. 1975.

24. Rokkan S., Urwin D.W. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe / S. Rokkan, D.W. Urwin (eds.). *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*, London : Sage, 1982.
25. Rokkan S., Urwin D.W. *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. London: Sage, 1983.
26. Scott J. *England's Troubles. Seventeenth-Century English Political Instability in European Context*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
27. Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1994.
28. Tilly C. *ReXections on the History of European State-Making* / Ch. Tilly (ed.). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1975.
29. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge, Mass. : Blackwell, 1990.

References

1. Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N. *Evolution of Scottish National Party in the fight for national self-determination of Scotland: to the question of features of scottish nationalism* [Evolutsiya Shotlandskoy natsionalnoy partii v borbe za natsionalnoye samoopredeleniye Shotlandii: k voprosu ob osobennostyakh shotlandskogo natsionalizma] // *The Authority [Vlast]*. 2017. N 6. P. 153–159. (rus)
2. Turin E.A., Savinova E. N. *National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity* [Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy identichnosti] // *The Authority [Vlast]*. 2015. N 4. P. 195–201. (rus)
3. Turin E.A., Savinova E.N. *National sovereignty of Scotland in the context of public policy of management of natural resources* [Natsionalnyy suverenitet Shotlandii v kontekste gosudarstvennoy politiki upravleniya prirodnymi resursami] // *Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk]*. 2014. N 2. P. 197–205. (rus)
4. Anderson B. *Imagined Communities: ReXections on the Origins and Spread of Nationalism*. London : Verso, 1983.
5. Bartolini S. *Restructuring Europe*. Oxford : Oxford University Press. 2005.
6. Bulpitt J. *Territory and Power in the United Kingdom. An Interpretation*. Manchester : Manchester University Press, 1983.
7. Davies N. *The Isles. A History*. London : Macmillan, 1999.
8. Deutsch K. *Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundations of Nationality*. 2nd ed. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1966.
9. Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. New York : Free Press, 1964.
10. Ferguson Y.H., Mansbach R.W. *Politics: Authority, Identities, and Change*. Columbia : University of South Carolina Press, 1996.
11. Kearney H. *The British Isles. A History of Four Nations*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
12. Keating M. *State and Regional Nationalism. Territorial Politics and the European State*. London : Harvester-Wheatsheaf, 1988.
13. Keating M. *Culture and Social Sciences* / M. Keating, D. della Porta (eds.). *Approaches and Methodologies in the Social Sciences. A Pluralist Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
14. Keating M. *Putting European Political Science Back Together*. *European Political Science Review*. 1.2. 2009.
15. Mahoney J., Rueschemeyer D. *Comparative Historical Analysis: Achievements and Agendas* / J. Mahoney, D. Rueschemeyer (eds.). *Comparative Historical Research*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
16. Mill J. S. *On Liberty, Utilitarianism, and Considerations on Representative Government*. London : Dent, 1972.
17. Miller D. *On Nationality*. Oxford : Clarendon, 1995.
18. Nairn T. *The Break-up of Britain: Crisis and Neo-nationalism*. London : New Left Books, 1977.
19. Nairn T. *After Britain. New Labour and the Return of Scotland*. London : Granta, 2000.
20. Nairn T. *Union on the Rocks*. *New Left Review*. 43: 117–32. 2007.
21. Paasi A. *Place and Region: Regional Worlds and Words*. *Progress in Human Geography*. 26.6: 802–11. 2002.

22. Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions and Social Analysis*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2004.
23. Pocock J.G.A. *British History: A Plea for a New Subject*. Journal of Modern History. 47.4: 601–28. 1975.
24. Rokkan S., Urwin D.W. *Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe* / S. Rokkan, D.W. Urwin (eds.). The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism, London : Sage, 1982.
25. Rokkan S., Urwin D.W. *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. London: Sage, 1983.
26. Scott J. *England's Troubles. Seventeenth-Century English Political Instability in European Context*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
27. Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1994.
28. Tilly C. *ReXections on the History of European State-Making* / Ch. Tilly (ed.). The Formation of National States in Western Europe. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1975.
29. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge, Mass. : Blackwell, 1990.